

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

№ 3 (127) 2019

Наста Бойка:

«Я б хадела бачыць
журналістыку ў нашай краіне
свабоднай, без пацелу на
дзяржаўную і недзяржаўную»

Адбылася прэзентацыя кнігі «Остров Суоми. Осуществленная утопия».

Яе аўтары – журналіст, сябра БАЖ
Канстанцін Скуратовіч і гісторык
Аляксандар Куляеў. Ідэя напісання кнігі,
на словах аўтараў, з'явілася пасля
расійска-грузінскай вайны. Тады
савецкая метраполія, абвінаваціўшы
былую калонію ў парушэнні дзяржаўных
інтарэсаў, акупіравала Абхазію
і Паўднёвую Асецію і стварыла на іх
тэрыторыях дзве псеўдасуверэнных
дзяржавы – сатэлітаў Расіі.

Гэта вайна выклікала вялікі рэзананс на
ўсёй постсавецкай прасторы, напалохала
кіраўніцтва новых незалежных дзяржаў,
іншых суседзяў Расіі, якія набылі
суверэнітэт дзякуючы краху СССР.

Дарослы чытач памятае нашумелы ў свой
час раман Васіля Аксёна «Остров Крым».
Апублікованы ў часопісе «Юность» на
пачатку 1990-х, ён таксама выклікаў шмат
меркаванняў ды перасудаў:

– Якім бы зараз быў Сімферопаль, калі б армія
Врангеля насамрэч удалося не пусціць
у Крым бальшавікоў?! – выкрывалі энтузіясты.

Між іншым у XX стагоддзі аналагічны
літаратурнаму раману Аксёна праект
быў рэалізаваны ў Фінляндыі, дзе здолелі
адстаяць свой дзяржаўны суверэнітэт,
прадухліць бальшавізацыю краіны і вывесці
яе на самыя перадавыя пазіцыі ў свеце.

Гэта кніга пра лёс краіны, людзей
і грамадства, якія шукалі свой шлях
у найноўшай гісторыі.

Таму падзеі ў сучасным Крыме, на Данбасе
вельмі нагадваюць палітычныя ды ваенныя
тэхналогіі, якія выкарыстоўваліся Савецкім
Саюзам супраць сувереннай Фінляндыі.
У той вайне агрэсар сваіх мэтаў не дасягнуў.

Увогуле кніга «Остров Суоми. Состоявшаяся
утопія» застаецца актуальнай, а калі
ўлічваць падзеі ў памежных з Расіяй
дзяржавах, чытаеца як напамін
пра будучае.

**2 Наста Бойка:
«Умяне ёсць план на ўласнае медыя праз некалькі гадоў»**

**7 Вайна сусветаў:
чаму няголеный падпахі перамагаюць**
М. Малевіч

12 Гендэрная павестка беларускіх СМИ

Гендэрная экспертыка Ірына Саламачіна называе тыповыя памылкі

**15 Таццяна Каравенкова:
«Я звычайна даю здачи ў адказ на хамства»**

**22 Ірына Новік:
«Адчуваю сябе Калумбам!»**

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць:
1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Скарыстаны здымкі
Таццяны Ткачовай: 1-я і апошняя вокладкі нумара.

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.

Падпісаны да друку 19.06.2019.

Дата выхаду 28.06.2019.
Фармат 60x84/8.

Папер афсетная.

Друк афсетны.

Ум. друк. арк. 8,0

Наклад 300 асобнікаў.

Замова № .

Пасведчанне
аб дзяржаўнай рэгістрацыі
выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвалініка
друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014,
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Распаўсюджваецца
бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220004, г. Мінск,
вул. Кальварыйская, 16-265.
Тэл.: (029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782
ад 01.10.2010 г.

Адрес: 220004, г. Мінск,

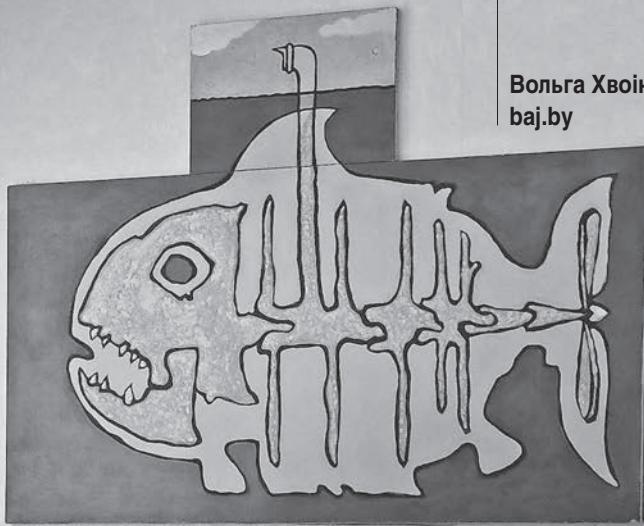
вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10,
(017) 203-53-41,
(029) 623-74-10
www.medisont.by

У адпаведнасці з Законам
«Аб сродках масавай
інфармацыі» аўтары нясуць
адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў,
прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа
публікаваць матэрыялы
ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту
гледжання аўтараў.

Вольга Хвойн,
vaj.by

Наста Бойка:

У мяне
ёсць план
на ўласнае
медыя праз
некалькі
гадоў

З Настай Бойка, журналісткай «Еўрарадыё», мы размаўлялі двойчы, з перапынкам у паўгода. За гэты час у жыцці герайні адбыліся перамены, якія засведчылі, што калі ты робіш выбар, то падтрымка блізкіх вельмі важная. Бо надае ўпэйненасці, дае адчуванне зямлі пад ногамі. Яна піша на псіхалагічна цяжкія сацыяльныя тэмы і перажывае кожную гісторыю. Аднак мяніць тэматычны накірунак у сваёй прафесійнай дзеянасці не збіраеца.

Першая наша сустрэча адбылася восенню, калі пачаўся судовы працэс па справе аб смерці салдата Аляксандра Коржыча. Тады Наста асвятляла гэтую трагічную гісторыю і хадзіла на судовыя паседжанні штодня.

— Наста, як ты пачуваешся ў гэтым маскулінным свеце, у нормавы якога даводзіца штодня акунацца?

— Гэтая крымінальная справа, гэтая тэма для мяне важныя. Я — капитанская дачка, мой бацька сышоў з войска, калі мне было чатыры гады. А нарадзілася я ў пасёлку Лакаматывы, што ў Чалебінскай вобласці. Гэта недалёка ад мяжы з Казахстанам. Мама была ваенай медсястрой, бацькі і пазнаёміліся ў шпіталі. Дзядуля служыў у ракетных войсках стратэгічнага прызначэння. Вайскоўцы для мяне — блізкія людзі, а іх свет не чужкі.

Пасля першай паездкі ў Барысаў на суд па справе аб дзедаўшчыне я пазваніла бацьку з пытаннем, ці сапраўды такое адбываецца ў войску. Бо для мяне вайскоўцы заўсёды былі людзьмі з вялікай літары. Тата адказаў, што такое бывае. Да гэтага ж я бачыла толькі адзін бок...

Я не ведаю, што сказаць пра свае адчуванні — гэта нейкая разгубленасць. Я слухаю пра факты дзедаўшчыны, якія агучваюцца ў судзе, і з аднаго боку мне цікава, што ж будзе далей. А з іншага я хачу зразумець, чаму так адбываецца: сітуацыя тыповая толькі для Печаў ці ўвогуле для постсавецкага войска?

Страшна было, калі на працягу двух тыдняў на мяне ўвесь час глядзеў адзін з адвінавачаных. А другі сяржант, які знайшоў цела Сашы Коржыча і праходзіў па гэтай справе сведкам, быў асуджаны раней і таму знаходзіўся падчас працэсу ў клетцы. Аднойчы пасля судовага паседжання ён сказаў: «Можна гэтую дзяўчыну ў зялёным на пару слоў?»

Гэты чалавек папрасіў мой адрас і паабязаў напісаць ліст. Я не чакала такога пытання, не паспела зарыентавацца і дала яму свой хатні адрас. Мяркую, што з прафесійнага погляду я паступіла правільна, нават калі нічога сенсацыйнага ён і не напіша, мне ўсё ж цікава.

Да «Еўрападыё» я супрацоўнічала з *TUT.BY*, і гэта няпроста для журналіста-пачаткоўца. Жэня Карпаў — мой вялікі настаўнік, хоць ён і даволі хутка звольніўся з партала. Мой першы сур’ённы тэкст, які добра чыталі, перадрукоўвалі іншыя медыя, — гісторыя пра тое, як амапаўцы зблізілі двух падлеткаў. Яшчэ я пісала матэрыял пра назіранне за выбарамі дэпутатаў у акрузе, дзе адным

з кандыдатаў праходзіла Ганна Канапацкая. У гэтай выбарчай акрузе былі выяўленыя факты фальсіфікацыі. Пасля той публікацыі мяне нават у аўтобусе пазнавалі, недзе месяц я пачувалася зоркай.

Думаю, у той момант я адчула, што не памылілася ў сваім намеры стаць журналістам.

— Сям'я не была супраць такога рашэння?

— Была. Бацька хацеў, каб я стала інжынерам. Але мне ніколі асабліва не давалася матэматыка. Гэта адзіны предмет, па якім у мaim атэсташце 8 балаў. Я была алімпіядніцай па гісторыі, грамадазнаўству, мове — такі філолаг-гуманітарый. Але бацька вельмі хацеў, каб я пайшла ці ў МНС, ці праста ў нейкі інжынерны ўніверсітэт.

Адыграла ролю тое, што падчас навучання ў ліцэі мяне прызначылі рэдактарам ліцэйскага весніка. Я пачала супрацоўнічаць з раёнкай. У мяне захоўваюцца ўсе газеты з маймі тэкстамі. Быў адзін класны артыкул пра ўцекача з Украіны — вайна на ўсходзе Украіны толькі пачыналася, гэта былі першыя ўцекачы, ім яшчэ ніхто не дапамагаў. Тэкст не друкавалі недзе 4 ці 5 месяцаў, а калі ён выйшаў, то, натуральна, была скасавана ўся крытыка тых падзеяў і датычна кірауніцтва горада.

Мама падтрымала мой выбар, калі зразумела, што з-за непараразумення на гэтай глебе мы пачалі сварыцца. Я казала бацькам, што не разумею, чым буду займацца, калі не буду пісаць. Я ведала, што калі не стану журналісткай, то напішу книгу, што маё жыццё будзе звязана са словамі.

Бацькі перажывалі, што я пішу на сур’ённыя тэммы. Я для іх усё яшчэ студэнтка.

— Які ж іх вобраз твойго ішчалівага жыцця?

— Сям'я, дзеці, унукі для іх, добрая праца. Але для мяне нармальна тое, як я жыву цяпер — хаджу штодня ў суд на гэтыя працэсы, стамляюся, мне гэта падабаецца. Гэта маё. Мне падаецца, я занадта маладая, каб думаць пра сям'ю.

— Ці ёсць, на твой погляд, хібы або перавагі для жанчыны ў прафесіі журналіста?

— Думаю, мінусы для жанчыны ў тым, што ў большасці сітуацый нам трэба быць асцярожнымі. Я б не сказала, што да жанчын заўсёды становіца лепш.

Летасць 25 сакавіка (Дзень Волі. — Рэд.) я ішла каля парка Чалюскінцаў, калі фактычна ўсе падзеі скончыліся. Тады я дапамагала журналістам. Справавала праісці з пасведчаннем журналіста праз ачапленне, але амапавец мяне сказаў: «Табе гэта трэба? Я цябе прапушчу, а цябе там скопяць».

А пазней я ішла праз дверы, там жа ішоў і натоўп амапаўцаў у поўнай экіпіроўцы — «касманаўтаў». Адзін з іх звярнуўся да мяне: «Девушка, здравствуйте». — «Здравствуйте».

Ён паглядзеў на пасведчанне, нешта яшчэ сказаў і ўдарыў мяне па жываце гумавым дручком. І пайшоў далей за сваімі «касманаўтамі».

Я так і не зразумела, што гэта было. Я не ведаю, навошта гэта было зроблена. Сіняк у мяне застаўся. Тоё, што я дзяўчына, мяне не aberагае.

— Бацькі хвалююцца за тваю бяспеку?

— У бацькоў ёсьць яшчэ боязь наконт маёй прафесіі: а раптам гэта небяспечна. Але спадзяюся, яны зразумеюць, што я зрабіла свой выбар, я дарослы чалавек, які жыве сваім жыццём.

— Чаму недзяржаўныя медыя?

— Не ведаю, як адразу адказаць на гэта. На TUT.BY я патрапіла выпадкова: пазнаёмілася з супрацоўнікам партала і спытала, ці можна ў іх праісці практику, да таго ж ва ўніверсітэце наш выкладчык Градзюшкі парыў мне ісці ў web-журналістыку.

Я адразу думала пра газету «Звязда», бо гэта друкаванае выданне, беларускамоўнае. Хаця ў мяне доўга ў школе былі праблемы з беларускай мовай. Толькі ў 10–11 класах я выправілася, бо пачала шмат чытаць па-беларуску. Настаўніца парыала мне кнігі Караткевіча, і гэта дапамагло — усё пайшло.

Заўсёды хацела стаць ваенным карэспандэнтам. Можа быць, ад «Еўраадыё» некуды паеду. Ой, мама прачытае і ёй стане кепска ад гэтага (смяеца). Але пакуль я не гатовая да такога павароту.

Нядоўна адзін калега мне сказаў нешта накшталт «што ты такая юная і пішаш на сур’ёзныя тэмы думаеш, ужо журналістка?». Але мне падаецца, што гэта тая прафесія, у якой шмат хто пачынае рана. Гэта нармальна.

Калі я прыйшла на «Еўраадыё», быў страх, што нешта не атрымаецца, таму я больш часу праводзіла з калегамі. У мяне пакуль няма абавязкаў — дзяцей і сям’і, я засяроджаная на tym, каб стаць добрым, крутым журналістам.

Шмат хто з калегаў усё ж успрымае мяне з лёгкім гумарам: яна ж маладая. Але, калі шчыра, гэта крыўдзіць. Напэўна, я гэта блізка ўспрымаю, бо жыву працаю.

...Мінула паўгода. За гэты час судовы працэс, які асвяляла Наста, завяршыўся. Фігуранты крымінальнай справы аб давядзенні да самагубства радавога Аляксандра Коржыча ў навучальным цэнтры ў Печах атрымалі рэальныя тэрміны пазбаўлення волі. Аднак маці Аляксандра катэгарычна не згодная з такім рашэннем.

— Наста, давай вернемся да той рэзананснай справы. Быццам бы знайшли і пакаралі вінаватых, хоць далёка не ўсе згодныя з такім рашэннем суда, а здарэнні ў войску працягваюца. Якое тваё стаўленне да таго, што журналіст інфармуе грамадства з мэтай выправіць хібы, аднак на сутнасці нічога не змяняеца?

— Я не ўпэўненая, што хлопцы, якіх асудзілі, сапраўды вінаватыя. Падаецца, на іх праста спусцілі ўсіх сабак.

Май героем 2017–2018 гадоў стала Святлана Коржыч, мама Аляксандра. Гэта самая моцная жанчына, якую я сустракала ў сваім жыцці.

Я дагэтуль лістуюся з tym хлопцам, які прасіў мой тэлефон пасля судовага паседжання. Ён мусіў выйсці праз год, але яго зноў асудзілі за парушэнне рэжыму папраўчай установы і дадалі тэрмін.

Мне крыўдна, што такое здараецца, што нічога не змяняеца. Цяпер я займаюся справай Андрэя Макаеда, які выпаў з вакна вайсковай часткі ва Уруччы.

Святлана Коржыч на апеляцыі ў Вярхоўным судзе сказала, што ёй расказваюць пра дзеадаўшчыну ў войску. І яна з іншымі матулямі хоча далей змагацца супраць гэтага. Канешне, Міністэрства абароны пасля ўсіх гэтых выпадкаў не хавае інфармацыю пра здарэнні. Аднак праблема палягае ў сістэме агулам, не варта забывацца і на людзей, якія ў ёй працуяць. Патрэбныя новыя падыходы.

Бо пішаць-пішаць і нічога не змяняеца. Ну, злавілі трафарэтчыкаў, якія распаўсюджваюць наркотыкі, далі вымову міліцыянту, які ездіць п'яны за рулём. І што?

У мяне пытанне і да сябе, і да людзей, якія працуяць у міністэрствах на высокіх пасадах: што вы можаце канкрэтна зрабіць? Бо я магу толькі пісаць, расказваць пра гэта.

— Няма адчування, што гэта вада ў ступе — бессэнсоўная справа?

— Часам мне хоцацца змяніць тэматычны кірунак, але ўсё адно я вяртаюся да ранейшага. Бо мне гэта цікава. Але, канешне, крыўдна. З іншага боку, калі мы не будзем пра гэта расказваць,

у міністэрствах будуць гэта хаваць. Людзі ж павінны ведаць, што адбываецца ў дзяржаўных структурах і што можа адбыцца з імі.

— Што цябе натхняе, штурхае да таго, каб заставацца ў сацыяльны тэматыцы, а не сый-сі, да прыкладу, у той жа SMM, дзе гэта будзе праходзіць ускосна?

— Пакуль я магу працеваць без натхнення і матывацый, бо мне праста цікава. Часам не хоцацца перадваць некаму свае тэмы, нават калі ёсьць моцная загружанасць.

Цяпер мяне натхняюць мая сям'я, сяброўка, якая кажа, што чытае мае матэрыялы.

— Восенню падчас нашай размовы ў цябе было больш песімізму датычна стасункаў з сям'ёй.

— Я адчула змену ў стаўленні да мяне, да маёй працы. Напэўна, бацькі зразумелі, што я самастойны чалавек, які можа жыць самастойна, можа за сябе пастаяць. Я не ведаю, што адбылося ў іх галовах, але я вельмі гэтаму радая! Калі мама раней

магла сказаць: «Можа, лепш не пішы пра гэта», то цяпер такога няма.

— Як бачыши сябе ў прафесii праз пэўны час?

— У мяне ёсьць план на сваё медыя праз некалькі гадоў. Я вызначаю яго, як журналістыку, якая інфармую грамадства пра ўзаемадачыненні дзяржавы і людзей. Але яшчэ не прыдумала назвы (см耶ца).

Метрыкі, колькасныя дадзенныя мяне мала цікавяць. Я раблю працу для свайго чытчика. У тым сэнсе, што мне ўсё роўна, набярэ матэрыял мільён праглядаў ці пяць тысяч. Галоўнае, каб я ведала, што матэрыял якасны і дапамагае людзям нешта зразумець, асэнсаваць.

Сёння напісала твіт, што хачу прачнуцца ў свае 30 гадоў і каб тады гэтыя тэмы не краналі мяне так балюча. Я кожную гісторыю моцна перажываю. Бо, напрыклад, тыя ж салдаты — мае равеснікі.

Я б хацела бачыць журналістыку у нашай краіне свабоднай, без падзелу на дзяржаўную і недзяржаўную, каб я магла патэлефанаваць у любое міністэрства, а мне там далі адэкватны адказ. Каб можна было без проблем патрапіць на адкрыццё новага будынка Вярхоўнага суда (нам не далі акредытацию на гэта мерапрыемства), каб усе журналісты былі роўныя. Бо цяпер журналіст «СБ. Беларусь сегодня» можа паехаць у калонію ў Бабруйску і зрабіць матэрыял, а я не.

У нас ёсьць смяротнае пакаранне, але няма магчымасці пагаварыць з асуджанымі, каб спытаць, што ў іх свядомасці. Дзяржава ставіцца да журналістаў незалежных СМІ як да трэцяга лішняга. Думаю, калі дзяржава зменіць сваё стаўленне да медыя, гэта паўпльвае і на станоўчыя перамены ва ўладзе.

— Табе падабаеца час, у якім ты жывеши?

— Так! Я раней думала, што жыву ў нецікаўных часах, бо нічога не адбываеца лёсавызначальнага. Калі б я свядома магла ацаніць падзеі

хадзя 6 2006 і 2010 года, гэта магло бы падыніцца на станаўленне маёй асобы. Працэсты «дармаедаў» у 2017 годзе — самыя масавыя грамадскія пратэсты, якія я асвяталяла як журналіст.

Я нарадзілася ў 1997 годзе, маё дзяцінства — гэта час, калі ўсё было. Я нічога не бачыла жудаснага ў сваім жыцці, я не прашла ні праз што страшнае, што мяне змяніла.

Але я гляджу, што адбываеца ў краіне, і мне цікава назіраць за стаўленнем людзей да падзеяў, як змяніеца моладзь, як дзяржава спрабуе прэсаваць, кантраляваць людзей, а яны на

гэта адказваюць. Напрыклад, той жа адказ студэнтаў БДУ тролінгам на забарону крытыкаўца ўніверсітэт.

Пачуваюся падарожнікам з друкавальнай машынкай.

Але я не хачу вялікіх узрушэнняў, я за перамены праз рэформы.

— Не стамілася ад рыйму прафесii?

— Не, бо я не спыняюся. Магчыма, у побытавых пытаннях я марудная, але ў прафесii хуткасць мне вельмі падабаеца. Я не праходзіла праз эмаксыйнае выгаранне, праўда, гэтай зімой былі цяжкія моманты, калі было шмат працы, а я хварэла. Напэўна, я яшчэ не стамілася ад самога жыцця, таму магу за тыдзень аднавіць свае сілы.

Быў цікавы момант у звязку з прафесіяй. Восенню ў Мінску адмінілі канцэрт майго любімага гурта IC3PEAK. Мы запрасілі гурт да нас у эфір. Гэта цікавыя эмоцыі: ты слухаеш нейкага выкананіцца, а потым сутыкаешся з ім у рэальнасці. Напэўна, яны нават не здагадаліся, што тады прысутнічаў чалавек, які іх слухае ўжо пяць год. Такія магчымасці — бонусы журналістыкі.

Фота Таццяны Ткачовай

Война миров:

почему
небритые
подмышки
побеждают

Мария МАЛЕВИЧ

Разговор в стиле голубого и розового, где все женщины мечтают о замужестве, а все мужчины, как водится, не плачут, в развитых странах уже считается дурновкусием. Если мне зададут вопрос о том, что изменилось за последние несколько лет в белорусских СМИ, ориентированных по половому признаку, я честно скажу: изменилось все...

Эра феминизма

Наверняка исследователи и аналитики могут назвать все признаки и причины перехода от «традиционных» женских и мужских образов в прессе к тому, что мы имеем сегодня. Темы непростая и немаленькая, поэтому кратко изложу свое мнение. Точками невозврата, триггерами, которые, если не навсегда, то очень надолго изменили отношение к женской тематике, а вместе с нею и расстановку сил в медиа, стали книга российской журналистки Анны Старобинец «Посмотри на него» и флешмоб #MeToo. Книга про

потерю ребенка и многотысячные истории о случаях насилия в отношении женщин кардинально изменили отношения к темам, которые раньше считались табуированными. И в первую очередь перемены коснулись того, какими пресса видит женщин. В эпоху расцвета социальных медиа невозможно писать тексты о женских проблемах, игнорируя тысячи историй о насилии или потерях от целевой аудитории. Даже адресуя текст мужчинам.

Аудитория сказала свое слово. Рынок отреагировал. Нишевый флагман, ответвление крупнейшего белорусского портала *lady.tut.by*, сегодня публикует не только советы психологов о том, как сохранить брак, но и позволяет себе противиться фетишингу, старается не хайпить на образе «яжематерей» и публикует довольно сдержанные тексты о девушке, которая несколько месяцев не брила волосы на теле. Слова «мое тело — мое дело» находят все больше отклика в СМИ. В самых разных проявлениях.

Феминизм не зря называли словом года. Установка «все феминистки — одинокие немытые толстухи» находит все меньше откликов даже среди читателей и читательниц. Хорошим тоном стали большие материалы, посвященные борьбе с домашним насилием, истории успешных женщин — золотая середина, равновесие в мире, где на одном полюсе «феминизм», а на другом — «традиционные ценности».

Стоит признать, что за последние годы женская тематика

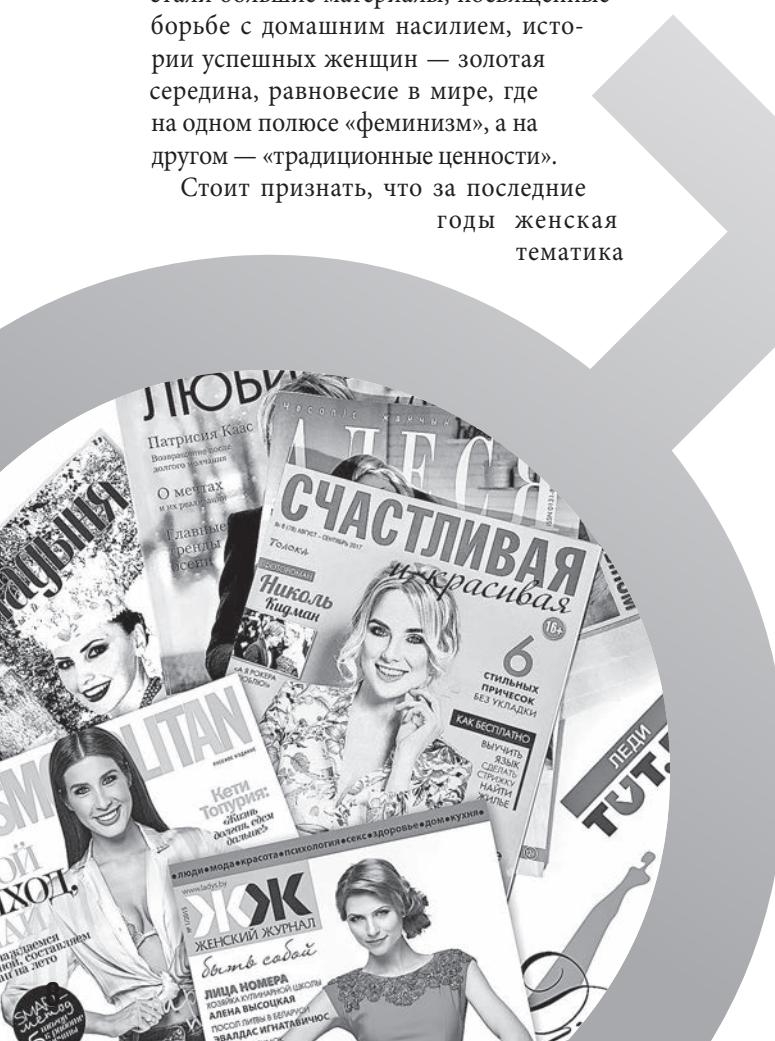
на страницах белорусских изданий все же стала ближе к «женской повестке» в политическом смысле. Право на достойное медицинское обслуживание, противодействие домашнему насилию и многие другие темы начали выходить на первый план в общественных дискуссиях, а значит, и на страницах прессы. «Саблезубые белорусские феминистки» — реальный заголовок статьи от радио «Свобода». Провоцирует, но под ним скрывается комплементарный текст в отношении женщин с активной позицией. К слову, именно на радио «Свобода» выходит программа Ганны Соусь с красноречивым названием «Толькі жанчыны». Рассуждения на самые актуальные и острые темы от женщин и никаких стереотипов. Если здесь и говорят о кулинарии, то в контексте политической кухни.

Cosmo как предчувствие

Несмотря на то что на страницах белорусских СМИ все чаще появляются качественные материалы на злобу дня именно в женской повестке, специализированных изданий не стало больше.

Cosmopolitan. Именно этот бренд мне назвали девять человек из десяти, когда я попросила вспомнить белорусские женские издания. Только один человек вспомнил про журнал «Гаспадыня». Правда, изданий в целом не стало больше. Появились и уверенно держатся на плаву «Имена», но гендерная тематика здесь присутствует наравне с другими.

Много о проблемах полов пишет скандальный *kyky.org*, причем в последнее время издание приводят в качестве примера того, как нужно писать о проблемах женщин. Минский городской журнал *CityDog* вообще войдет в историю белорусских медиа как первый и едва ли не единственный сайт, который поднял знамя феминитивов. Теперь все героини по умолчанию становятся авторками, психологинями или представительницами других профессий, но с окончанием

женского рода. Многие возмущались, но постепенно привыкли.

Несмотря на явный прогресс, стереотип о том, что женские издания читают только глямурные дамочки и раз журнал/сайт для женщин, следовательно, про замужество и макияж, никуда не девался. Сегодня «женское» читают все и довольно регулярно. Просто жизнь складывается так, что прогрессивный взгляд на гендерные вопросы чаще всего демонстрируют не узкопрофильные издания. Те, кто вроде бы по долгу службы должны знать о том, чего действительно хотят женщины, продолжают кормить советами из серии «как приворожить суженого борщом».

К слову, упомянутый журнал *Cosmopolitan* (в Беларуси продается российская версия) также поднял стяг феминизма и может действительно порадовать качественными журналистскими текстами на разные темы.

Конец обеда

Упоминание о том, что разделение на розовый и голубой мир в прогрессивных западных СМИ считается чем-то почти неприличным, было сделано не для красного словца. В некоторых европейских странах можно получить серьезные проблемы и катастрофические репутационные потери за попытку отправить женщин к плите, а мужчин — в гараж. У нас же легкое пренебрежение к женской тематике — главный стереотип, с которым приходится сталкиваться. А уж когда речь заходит о дамских изданиях, то, как говорил персонаж одной из книг Макса Фрая (кстати, женщины, которая выдавала себя за мужчину), «полный конец обеда». Мол, ну что вы там можете написать? Даже бдительные читатели «Народной Воли» в возмущении звонили заместителю главного редактора **Марине Коктыш**, когда на последней странице издания

появился обзор купальных костюмов — не гоже тянуть в газету «эти женские штучки».

Между тем в Беларуси зарегистрировано более двух десятков изданий для женщин. Большинство — брошюры о готовке, полезные советы в стиле «Худеем вместе», недорогие журнальчики о посадках, рукоделии, хобби, которые в изобилии выпускает, в частности издательство «Толока». Многие интернет-издания, например *diva.by*, *velvet.by*, предлагают в основном рекламные тексты и обзоры. Но чаще всего в женской прессе собрано всего понемногу — мода, еда, ремонт и спорт, отношения, огороды, путешествия и книги. Одним словом, как в жизни.

Конечно, каждое из изданий предлагает свою изюминку. Глянец для женщин «Гаспадыня» традиционно публикует довольно много советов по ведению огорода и сада. Текст «Водный скопидом» лично меня заинтриговал прямо с заголовка. Оказалось, рассказ про садовый кактус.

При этом молодые, если не по возрасту, то по духу, издания поддерживают стремление современных белорусок выйти за рамки дискурса «*Kinder, Küche, Kirche, Kleider*». Конечно, темы-архетипы вроде «как жрать и не толстеть» или «что надеть» присутствуют на страницах всех женских и некоторых мужских изданий. Где-то обсуждают, что плоский живот — недостижимый идеал, где-то предлагают питаться исключительно черешней. Спрос на подобную информацию будет всегда, но ставку обычно делают на другое.

Глянцевый «Город женщин», например, придерживается концепции *life stile* — здесь вам и интервью, и обзоры книжных новинок, и описания путешествий. Даже исконно дамские темы вроде кулинарных рецептов выполнены в виде авторской колонки с художественными фотографиями **Арины Лисецкой**. Одно из самых полных и откровенных интервью с опальным **Сашей Варламовым** вышло именно здесь.

Мужской мир

Плохая новость для сторонников мужчиноцентричной модели общества и семьи — куда больше текстов в современных женских изданиях посвящено бытовым советам, красоте и здоровью, детям, чем вожделенному замужеству. Пожалуй, только журнал «Алеся» соблазнился отдельной рубрикой «Мужчина мечты», но и в ней не ищут избранника, а предлагают интервью с интересным визави.

Ветеран белорусского глянца «Женский Журнал» раньше вообще без обиляков предлагал рубрику «Секс», но в последнее время сменил ее на целомудренные «Отношения».

Кстати, публикуются в женской прессе как женщины, так и мужчины: авторскую колонку в глянцевом «Городе Женщин» вел блогер и журналист Константин Придыбайло, на *lady.tut.by* — писатель и колумнист Александр Занович.

И если место мужчины в женской теме определено, то сами про себя мужчины пишут с трудом. Кажется, собирая все существующие стереотипы о представителях «сильного пола». И едва ли не придумывая новые.

Перед тем как начать обзор мужских изданий Беларуси я традиционно задала вопрос людям из своего окружения о том, какую отечественную газету, журнал или сайт соответствующей направленности они знают. И если в случае с дамскими СМИ хотя бы один человек из десяти вспомнил журнал «Гаспадыня», то с контентом для сильного пола все просто — «не знаю», Playboyo и Maxim. Ах да! Еще был такой вариант: «Охота и рыбалка», ой, нет, это, кажется, магазин»...

При этом в «общечеловеческих» СМИ сложно найти тексты, которые были бы посвящены чисто «мужским» проблемам. Почему? Даже если не верить словам феминисток, факты говорят сами за себя. Пресса по-прежнему ориентирована на мужчину, обращается к нему. По умолчанию. Не потому ли мужских изданий — мизерная доля от общего числа? Их даже несравненно меньше, чем женских СМИ. Зачем, если вроде бы все работает на эту аудиторию?

Затем, что это не так.

Редкий зверь

И все-таки они существуют. Google предлагает не такой уж богатый выбор. Еще пару лет назад это были сборник сканвордов и «Журнал XXL», который был да сплыл, а сегодня на первом месте в поисковике сайт «Мужской.бел». И здесь все серьезно. Рубрики «Секс», «Пора валить» и «Спорт» настраивают на определенный лад. На первый взгляд совершенно мачистский контент на поверку оказывается вполне ламповым и даже не пытаются убедить всех в том, что женщина — это украшение самца. Напротив, много советов о том, как доставить партнерше удовольствие, как быть симпатичным и стильным. Есть даже текст, который называется «Хочу выглядеть как Коля Лукашенко. Что мне делать?». О чём? Не знаю. Не хочу выглядеть как Коля. Подняты ли серьезные проблемы? Армия? Депрессия? Разводы и воспитание детей? Вскользь. Все-таки мачо все еще не плачут, хоть уже и могут красить ногти.

Ищем дальше. Услужливая поисковая машина предлагает журнал «Спецназ». Он рассчитан на «тех, кто служил, служит либо мечтает служить в силовых структурах Беларусь». Куда уж брутальнее и мальчуковее? В сети журнал уютно устроился на странице учредителя — газеты «СБ. Беларусь сегодня». Издание действительно с планеты Марс: имеет рубрики о военной технике, военных действиях прошлого, прелестях службы в армии. И если гендерная принадлежность вопросов не вызывает, то с национальной не все так просто. Через один на

сайте материалы об успехах русского оружия. Каким образом этот факт поддерживает дух патриотизма у белорусских военных — та еще загадка.

Суровость «Спецназа» и запахи «Охоты и рыбалки» многим мужчинам по душе, но и красоте есть место в жизни «сильной половины». Белорусы сегодня подвергаются едва ли меньшему давлению со стороны глянцевых образов, чем соотечественницы. Мы мало говорим о том, что с журнальных страниц глядят не только обворожительные пышногрудые и волоокие красотки, но и мускулистые мачо с пышными волосами там, где нужно, бархатистой кожей и идеальными зубами. Мальчики тоже хотят быть красивыми и стильными. И тоже задаются вопросом: важна ли для мужчины внешность? Правда, приходят к другим, нежели дамы, выводам, а спортивные и модные журналы не являются обязательным атрибутом успешного самца.

При этом тиражи Men's Health (российская франшиза) не залеживаются на прилавках, а вот отечественного аналога гида по тренировкам, эдакого мужского «Худеем вместе», нет. Необходимую информацию неутомимые ищут на сайтах, в блогах и видеокурсах по всему свету, не ограничиваясь только русскоязычными ресурсами.

Но все же мужчины гораздо менее чувствительны к намекам о несовершенстве их внешности и темы вроде «жрать и не толстеть» их почти не трогают. Бизнес на мужских комплексах о внешности не удалось сделать еще ни одному белорусскому изданию.

Зато уж где создатели контента для мужчин оторвались, так это на интимной теме. Интернет-журнал MENSBY.COM, например, радует читателя своей откровенностью. Кто сможет пройти мимо текста с заголовком «Сделать так, чтобы она дала»?! В принципе, содержание текста полностью отвечает названию — несколько советов о том, что делать и не делать, чтобы ускорить движение в сторону крови. Советов, кстати, довольно честных. Например, не рекомендуют барышень обманывать или подкупать.

И вас посчитали

Многие сферы жизни, в которых сегодня одинаково задействованы жители Беларуси обоих полов, почему-то все еще пытаются продавать как узко-гендерные. Такими клубами по интересам можно назвать автомобильные сайты, газеты, журналы, программы на ТВ, рубрики и т.д.

Несмотря на то что доля женщин-автомобилистов в Беларуси постоянно растет, автосайты все еще делают ставку на мужчин. На *auto.onliner.by*, например, размещен обзор складных велосипедов, который радует не только полезной информацией, но и фотографиями откровенного декольте барышни, тестирующей велики.

По большому счету многие на самом деле мужские издания не уточняют свою гендерную принадлежность. При этом вряд ли у кого-то возникнут сомнения в том, что «Прессбол» или *sport.tut.by* рассчитаны именно на мужчин, ведь речь идет об эталонных «самцов» занятиях. Так уж исторически сложилось, что охота, война, спорт и авто всегда больше интересовали мужскую часть человеческой популяции.

Причем ни в одном мужском издании, которое попалось мне в руки, не поднимались серьезные темы. Нет, конечно, замена ступицы и прикормка моржа — темы, имеющие право на существование. Но белорусские издания для мужчин выглядят немного фриковыми на фоне женских газет, жур-

налов и сайтов. Только спортивные и автомобильные издания держат высокую планку. Но дело в том, что они не позиционируют себя как чисто мужские. При этом сложно найти издание, где можно было бы почитать о том, что мужчины не должны терпеть боль или стыдиться проявлять чувства. Такие тексты

появляются и тут и там, но специального места у них нет. Почему? Вопрос прежде всего стоит адресовать аудитории. Наверняка найдутся те, кто скажет, что это женщины заполонили все вокруг и привлекают к себе все внимание. Мое мнение иное и, боюсь, многим не придется по душе. Очевидно, что и в мире, и в медиа появляются новые правила. Женщинам и мужчинам придется играть на равных. В мире медиа — в том числе.

Гендерная павестка беларускіх СМІ

**Гендерная эксперта
Ірына Саламаціна
называе тыповыя
памылкі беларускіх
СМІ ў галіне гендерна
карэктнай падачы
матэрыялу. Яна зазначае,
што медыі ідуць за
грамадскім меркаваннем,
замест таго каб
адлюстроўваць трэнды.**

Па старой каляіне

Нават вельмі паважаныя СМІ зацікаўленыя ў хайпе з намерам яго манетызаваць. Не сакрэт, што часта заробак журналіста залежыць ад таго, які розгалас выклікаў яго тэкст. Адсюль з'яўляюцца дзіўныя, на мой погляд, загалоўкі і падача артыкулаў.

Выданне KYKY.ORG, напрыклад, «хайпіцца» на «жаночай» тэмэ ў самым горшым сэнсе гэтага слова. Хаця за апошнія пяць гадоў, па маіх назіраннях, яны крыху змянілі падыходы, пачалі больш узважана і пісьменна падаваць матэрыялы. Але любое заходнєе СМІ, калі б яно прасоўвала той светапогляд, што і KYKY.ORG, мела б вялікія рэпутацыйныя рызыкі з перспектывай набыць славу жоўтай прэсы. І не заўсёды гэта віна журналістаў,

бо часта яны папросту не ведаюць, якія загалоўкі «прышыюць» да іх тэкстаў у рэдакцыі. Насамрэч любая змяненні неабходна ўзгадняць з аўтарами публікацыі. І гэта праблема ўнутрырэдакцыйнай камунікацыі.

Калі возьмем шведскія СМІ, то яны ўпłyваюць на грамадзянскую супольнасць, а не праста адлюстроўваюць нейкія стэрэатыпы. Менавіта гэтага, як мне падаецца, не хапае ў беларускіх медыя.

Напрыклад, гадоў 10 таму амаль ніхто ў Беларусі не ведаў словаспалучэння *pro life*. І амбяркоўваць яго сталі не з падачы СМІ, а пасля таго як шэраг рэлігійных арганізацый і партый, арыентаваных на адпаведныя каштоўнасці, напісалі ліст у Міністэрства аховы здароўя з просьбай унесці змены ў заканадаўства. Пасля гэтага ўлады вырашылі ўвесці аб аваўязковое кансульставанне перад абортамі. А пазіцыя *pro choice* дасюль вельмі слаба асвяляеца. Здаецца, гэта тэма выклікае моцны водгук аўдыторыі. Але хто разбіраўся са статыстыкай? У Беларусі малая колькасць абORTаў, але яны застаюцца асноўным сродкам рэгулявання нараджальнасці сярод падлеткаў. А гэта зусім іншая праблема, і вырашэнне яе палягае ў інфармаванасці і адукцыі датычна сродкаў кантрацепцыі.

Хто звяртаў увагу на тое, што сілы, якія выступаюць *pro life* і за ратаванне эмбрыёнаў, не пратэстуюць супраць смяротнага пакарання ў Беларусі? Зародыш нежыццяздольны па-за целам жанчыны. Тыя, хто вядзе барацьбу «за права эмбрыёна», імкнуцца ў першую чаргу кантроліваць жанчын, заклікаюць замацаваць за жанчынай яе «галоўную» функцыю — дзетанараджэнне. Апошнє ўспрымаецца не як права, а як аваўязак, бо ў краіне дэмографічны крызіс. Але жанчыны — гэта не толькі патэнцыйна «цяжарныя целы», яны гаспадыні сваіх цел і сваіх лёсай.

«Жаночы» сектар НДА зусім невялікі і ўвесь час памяншаецца. Менш за адзін адсотак зарэгістраваных грамадскіх арганізацый закрываюць «жаночую» павестку і адказваюць на выклікі, што стаяць перад сучасным беларускім грамадствам. Да гэтага адсотка можна было б далучыць Беларускі саюз жанчын, але не выпадае. Бо ён перш за ўсё звяртае ўвагу на тое, што скажуць улады, а не на пазначаныя вышэй праблемы.

Пра фемінітывы

У апошнія пяць гадоў з'явіліся выданні, якія спрабуюць фарміраваць нейкі парадак дня, прынамсі, яны выкарыстоўваюць фемінітывы. Я шмат працую з журналістамі і журналісткамі. Часта мне высылаюць паглядзець тэкст, дзе прыбраныя фемінітывы, пра якія я казала. Аргументуюць tym, што гэта рэдакцыйная палітыка і іх усё роўна не надрукуюць. Добра, для мяне гэта не такая прынцыповая пазіцыя. Тады я прашу, каб, указываючы, напрыклад, што я сацыёлаг, пісалі спачатку маё імя. Для мяне гэта ўжо ламанне нейкага стандарта. Спачатку чытач бачыць, што я жанчына, а потым ужо маю професію: «Ірина Саламаціна, сацыёлаг». У той жа час з выкарыстання фемінітываў часам таксама спрабуюць зрабіць нейкі хайлін.

**Шведскія СМІ
уплываюць на
грамадзянскую
супольнасць,
а не адлюстроўваюць
стэрэатыпы. Гэтага
не хапае ў беларускіх
медыя.**

Непаслядоўнасць рэдакцыйнай палітыкі

Медыі звычайна маюць нейкую ўнутраную пазіцыю па спрэчных пытаннях. Але яна не агучваеца і чытачам часта незразумелая. Сёння можа з'явіцца праблемны матэрыял пра хатні гвалт, а завтра — «хайлінавы» тэкст, які транслюе сэксісцкія стэрэатыпы. Я разумею, што тут «і вашым і нашым», але тады і чытачы не бачаць у гэтым праблемы. Незразумелая мэта СМІ: паказаць негатыўная паследствы гендэрнай няроўнасці ці плюралізм меркаванняў. Другое зрабіць вельмі лёгка — праста правядзі апытаўку. Але якая карысць ад такіх матэрыялаў? На парадак дня ў грамадстве яны ніяк не ўплываюць.

На постсавецкай прасторы не склалася адзінага ўяўлення, што такое дэмакратычнае медыя, якое фарміруе новыя каштоўнасці. Тая ж «Медуза», якая «за ўсё добра», сутыкнулася з харасмэнтам у рэдакцыі. Любое выданне, якое пазіцыянуе сябе як дэмакратычнае, можа сутыкнуцца з унутраным крызісам. Ці наша «Салідарнасць» — сур'ёзнае СМІ, якое займаецца палітычнай аналітыкай. Але ў той жа час мае рубрыку «Прыгажуна дня» з выявамі паўаголеных жанчын. Для мяне гэта цалкам дыскрэдитуе тыя каштоўнасці, што «Салідарнасць» спрабуе несці.

Пра «гендэрную слепату»

У беларускіх СМІ працуе вельмі шмат жанчын. Але асвятляюць яны пераважна сацыяльныя аспекты, культуру, а мужчыны пішуць пра палітыку. Па вялікім рахунку, прыход жанчын у журналістыку не гарантую палітызацыі некаторых «жаночых» пытанняў. Летась я рабіла маніторынг беларускіх СМІ па метадалогіі Глабальнага медыяманіторынгу. З 340 прааналізаваных навін толькі 13 прысвечаны тым ці іншым проблемам, звязаным з жанчынамі, ці маюць за галоўную герайню жанчыну.

У чым справа? Ці гэта рэдакцыйная палітыка, якая скроўвае позірк журналісташтой у адзін бок, а ў другі — не, ці гэта самі журналісты не заўважаюць некаторых тэм? Напрыклад, мне трапіўся артыкул, здаецца, у газеце «Звязда» пра ўчастковага ў невялікім мястэчку. Такі ён добры міліцыянер, усім дапамагае... І далей сказ, што яго маці больш за 20 гадоў працуе грузчыкам на мясцовым заводзе. І фота гэтай жанчыны, якая трymае фота сына. Грузчык уваходзіць у спіс забароненых для жанчын прафесій! На мой погляд, журналісты не хапіла нейкіх кампетэнцый, каб развіць гэту тэму. Спытаць, як успрымае гэтая жанчына цяжкую працу ці што адчувае ўчастковы, яе сын, калі думае пра «нежаночную» прафесію маці. Я напісала пра гэта ў «Фэйсбуку», ідэю падхапіла «Наша Ніва», і ўжо праз тыдзень у іх з'явілася інтэрв'ю з гэтай жанчынай-грузчыкам.

Не так даўно праходзіў судовы працэс, дзе жанчына спрабавала даказаць, што яе здароўе пагорышлася з-за працы на прадпрыемстве. Можна было развіць яшчэ адну сацыяльную тэму — ці пагражает адміністрацыя звольніць жанчын за тое, што яны напісалі ліст у Камісію па ахове працы пра кепскія ўмовы на вытворчасці. Але такія трапяцікія тэммы, падаецца, нецікавыя для многіх СМІ.

Медыяманіторынг паказаў, што дзяржаўныя медыі менш выкарыстоўваюць сексізм, каб прыцягнуць увагу чытачоў, чым СМІ, якія пазіцыянуюць сябе як незалежныя. Магчыма, гэта звязана

з меншай патрэбай у манетызацыі праз датацыі ад дзяржавы. Але і дзяржаўныя, і недзяржаўныя СМІ часта папросту «не заўважаюць» жанчын. Нават калі пісалі пра фотавыставу «Яе справа», медыі не апубліковалі гісторыі жанчын-герайн, затое пералічылі ўсіх чыноўнікаў, якія выступалі на адкрыцці мерапрыемства.

**3 340
прааналізаваных
навін толькі
13 прысвечаны
тым ці іншым
проблемам,
звязаным
з жанчынамі.**

Недастатковая крытычнасць

Нядайна партал *LADY.TUT.BY* запусціў спецпраект пра жанчын у «мужчынскіх» прафесіях. Яго спонсар — прыправа «Мэгі». Жанчына распавядае пра сваю прафесійную дзеянасць, а ў канцы ўсё роўна ідзе абзац пра тое, як яна вяртаецца дамоў, корміць мужа і дзяцей і можа дадаць у суп гэту прыправу. У матэрыялах не праблематызуецца само існаванне спіса забароненых для жанчын прафесій. Пытанні пра асабістую жыццё кшталту ці маеце вы мужа і дзяцей, якая любімая страва ў сям'і самі сабой не кепскія. Яны надаюць вобразу рэльефнасць, жывасць. Але чаму гэтыя пытанні не задаюць мужчынам?

**Падрыхтавала Алена ЛЯШКЕВІЧ
Фота Вольгі Хвойн, *baj.by***

Татьяна Коровенкова: «Я обычно даю сдачи в ответ на хамство»

Ольга ХВОИН,
baj.by

Татьяна Коровенкова — профессиональная журналистка с отличной выдержкой, что в условиях работы в Беларуси можно отнести к важной черте работника медиа.

Мы поговорили с Татьяной о ее «домике для души», факапах и претензиях, с которыми она сталкивается в работе, а также о несдержанном обещании Следственного комитета.

— Я хотела поступать на журфак, но родители, особенно папа, убедили, что нужно получить специальность, которая будет кормить. А писать ты

либо умеешь, либо нет. Тогда я решила поступать на юридический, но нужно было сдавать математику, а с этим у меня никак. И за пару дней до окончания подачи документов увидела, что на факультет социологии не надо сдавать математику, к тому же в прошлом году там был маленький конкурс. Решила идти на социологию. Но уже

после экзаменов я узнала, что в том году был самый большой конкурс по факультету и все пять лет у меня будут и математика, и статистика.

Я была конфликтной в школе, родителей часто вызывали из-за этого. И в аттестате была одна тройка по математике как раз из-за конфликта с учителем. Была спорная ситуация

с итоговой оценкой, позже другие учителя сказали, что математика «продавила» это решение.

— БелаПАН — твоё первое и единственное место работы?

— Вначале как фрилансер я работала в БЕЛТА. Мне дали тему Национальной библиотеки, также писала о выставках, о театре, спектаклях. Через пару месяцев мне сказали, что в штат без профильного образования не возьмут.

Кто-то из белтовских посоветовал пойти в БелаПАН, потому что там увольняется человек, который пишет про культуру. Это было первое место, где ко мне серьезно отнеслись: Алеся Липай и Юра Широкий посмотрели мои работы, поговорили со мной, а потом сказали, что на самом-то деле увольняется девушка, которая пишет про политику — это была Марина Рахлей. Может, вы будете про политику писать? Я отказалась, но мне пообещали свободу, что надо мной никто не будет стоять. В итоге я согласилась, три месяца — испытательный срок.

Но уже через две недели Алеся спросил, может, мы уже подпишем договор.

— Столько лет на одном месте, с одними и теми же людьми...

— Я успела по чуть-чуть поругаться почти со всеми (*смеётся*). Мне кажется, этого трудно избежать, когда так долго работаешь с одними и теми же людьми, видишься практически каждый день, случаются какие-то недопонимания, не так сказанное слово или брошенный взгляд. Но мы быстро миримся.

— Акторы в сфере, с которой ты работаешь, тоже, можно сказать, не меняются. Есть усталость, ангажированность, излишнее сопереживание — людей ведь давно знаешь?

— Бывает, конечно. Когда я в очередной раз пишу об «оттепели», думаю, что это уже было, устала уже от одного и того же, надо бы что-то сменить. Но потом отпускает, находится что-то новое. Серьезного кризиса пока не было.

Сопереживание возникает, даже если и не знаком с человеком. Близких, дружеских отношений у меня ни с кем из политиков нет, да это и мешало бы работе. Но за эти годы завязались теплые отношения с некоторыми работниками посольств в Минске.

Что касается событий в жизни страны, каждый раз ждешь, что будет по-другому... Но все время одинаково. Хотя да, я еще помню хождения с «Молодым фронтом» по посольствам на День святого Валентина.

Мне кажется, в Беларуси все устали. И политики, и активисты, и простые люди. Все обреченно ждут, когда же... само все решится. Люди уже не верят в возможность добиться перемен и просто живут вопреки всему.

Я в принципе оптимистична, поэтому надежда меня не покидает.

— Почему ты еще не уехала?

— Иногда, конечно, посещают такие мысли. Но потом думаю, а как же друзья, родители, то-сё. Ай, побуду еще, посмотрим, а вдруг...

— Можешь вспомнить самый тяжелый в эмоциональном плане период в работе?

— Для меня эмоционально тяжелым был 2011 год, после Площади, когда начались все эти задержания. В БелаПАН тогда не пришли с обысками, но были постоянные суды, мы несколько месяцев в этом всем жили.

У меня тогда появились первые седые волосы. У мамы, бабушки седина появилась очень поздно, и я говорила, что у меня хорошая генетика. Но события 2011 года, наверное, на мне отразились.

К слову, в день президентских выборов в декабре 2010 года я была с 7 утра на ногах, ездила на участок для голосования, вечером работала в редакции на приеме информации. Все вроде затихло, поэтому мне сказали, что можно ехать домой. Я приехала и свалилась от усталости спать. Утром села завтракать, читаю новости, а там — массовые задержания. Редактор сказал, что они решили меня не дергать. Я очень жалею, что так пропустила все.

Хотя, конечно, с августом прошлого года не сравнится ничто, когда сначала началось так называемое «дело БЕЛТА», а через полторы недели внезапно умер основатель и директор БелаПАН Алексей Липай.

— А самый позитивный период?

— Когда только пришла в БелаПАН. Было какое-то состояние эйфории, мне никто не говорил, что я должна писать, были первые знакомства, командировки. Потом все повзрослели...

— Стала циничной?

— Мне кажется, я с детства такой была (смеется). У меня никогда не было пиятета перед возрастом, могла дерзко

ответить любому, всегда был немного циничный юмор.

Но для меня был большим авторитетом мой пapa. Он потрясающий человек. Две подруги, Света и Юля, с которыми мы общаемся уже больше десяти лет. Я с ними советуюсь по всем важным жизненным вопросам. Ира Левшина для меня значимый человек. Есть люди, к чьему мнению я прислушаюсь, но не факт, что соглашусь.

— Ты работаешь с политиками, представителями силовиков — сталкивалась с пре-небрежительным отношением?

— Бывало, конечно. Но я обычно даю сдачи. Из относительно недавнего — конфликт с пресс-секретарем силового ведомства. В Городее было задержание людей за хранение оружия, в пресс-релизе мелькал второй человек, но пресс-релиз был так написан, что не совсем было понятно. Я позвонила: «А что со вторым?»

Пресс-секретарь что-то буркнул, потом перезвонил через пять минут и начал на меня орать, что я тупая и у меня низкий IQ, что в пресс-релизе вся информация есть. Я ему тоже что-то ответила в таком же стиле и что он не смеет на меня орать, положила трубку.

Когда сотрудник звонил позже, уже был вежлив.

Второй пример у меня был с заместителем одного из министров. Он говорил, что не будет отвечать на вопросы, мог через мою голову начать с кем-то разговор. После нескольких таких случаев я напрямую спросила, что происходит, в чем причина

На протяжении нашей жизни нам профессии хватит. К тому же человеческую историю ни одна машина лучше человека не расскажет.

такого поведения, потому что вроде нигде его не обидела. Теперь он со мной очень вежлив, отвечает на все вопросы.

У чиновников бывает, что они пытаются завуалированно нахамить, но если получают сдачи, то начинают вести себя по-человечески. Если им отвечаешь на хамство, то обычно теряются, потому что не ожидают такого.

— Ты стрессоустойчива?

— Думаю, да.

— Никогда не плакала из-за работы?

— Плакала, конечно. В первый год моей работы в БелаПАН я готовила материал о Вике Мороз. Помнишь, девочка, которая уехала на отдых в Италию и осталась там? Мы достали телефоны ее приемной семьи, нашего посла в Италии. Я помню, он так нахамил мне, что я положила трубку и побежала на улицу рыдать. Ирина Левшина приходила меня успокаивать. С годами, конечно, я перестала так реагировать, но тот случай запомнился.

К слову, мне кажется, что атмосфера в коллективе, в редакции даже важнее материальной составляющей. Можно иметь хорошую зарплату, но с ужасом думать, что опять надо идти на работу.

— У тебя были хорошие отношения с журналистами из госизданий?

— До августа прошлого года были нейтральные отношения с пишущими журналистами из БЕЛТА, могли в чем-то помочь, что-то подсказать друг другу. А после августа...

— Были специальные программы, направленные на объединение журналистов с двух полюсов.

— Да, я знаю. Я даже участвовала в одной встрече. Правда, в конце я сказала, что вы, «госы», здесь сидите все хорошие, но как только вам дадут команду нас облить грязью, вы это сделаете. Анатолий Лемешенок (бывший редактор газеты «Республика», журналист газеты «СБ. Беларусь сегодня». — Ред.) мне тогда ответил, что я молодая и ничего не понимаю.

В принципе, у нас всегда было разделение «госы» — «не госы». Помню, в году 2008-м или 2009-м МИД Беларуси делал свой традиционный рождественский прием, столы поставили с разных сторон зала. И сразу на входе журналисты сами разделялись: «госы» в одну сторону, «не госы» — в другую. После этого в МИДе ставят один стол, но все равно журналисты делятся на свои компании. Конечно, я здороваясь с коллегами, но не более.

— Почему, на твой взгляд, у нас такое непримиримое разделение? Украинские журналисты, например, тоже друг друга критикуют без стеснений. Но, кажется, там нет такой поляризации.

— В Украине несогласных с официальной версией властей не давили так, как у нас. В Беларуси жесткое разделение: ты за

власть или против. Это перекинулось и на СМИ. Кажется, еще Алекс Липай рассказывал эту прекрасную историю: когда Лукашенко первый раз избрали президентом, он предлагал БЕЛАПАН стать чем-то вроде официального информагентства. Алекс тогда сказал, что мы будем сами по себе.

— Многое изменилось в профессии — инструменты, форматы, объем работы, скорость. Тебе это нравится?

— Я вообще сторонник прогресса. Но видео смотрю редко. Я люблю читать текст и смотреть фоточки.

Вообще у меня была тайная мечта стать фотографом. Я даже как-то озвучила эту мысль Алексу Липаю, мол, у меня и фотоаппарат есть. Но он сказал, давай лучше будешь писать.

На протяжении нашей жизни нам профессии хватит. К тому же человеческую историю ни одна машина лучше человека не расскажет.

Мне обидно, когда говорят что-то в стиле «все вы, журналисты, продажные, что вам скажут, то и напишете». Помню, был хрестоматийный случай в гостях у родственников: человек сказал что-то похожее, дополнив, мол, я-то знаю, я сам в районке работал. После этого с моей стороны было просто пять минут хохота. Я сказала, что же вы сравниваете себя со всеми остальными, есть хорошие журналисты, которые знают, что такое ответственная журналистика и следуют ей.

— Для тебя у журналистики есть миссия, не побоюсь этого слова?

— Для меня миссия — информировать. Знаю, что есть те, кто считает миссией профессии помочь людям, воспитание...

Это тоже нельзя убирать, но для меня в первую очередь это предоставление информации.

— Что для тебя край довolenного в профессии?

— В фильме «Стрингер» герой подстраивал всякие аварии и прочее, чтобы написать репортаж. Такое недопустимо.

— О чем не станешь спрашивать собеседника?

— Понятно, если я разговариваю с женщиной-дипломатом, я не спрошу у нее, почему вы не рожаете, почему вы не замужем или в разводе. Это личные вещи, которые никак не касаются темы работы. А в остальном — даже не знаю... Зависит от ситуации, от того, кто этот человек.

— Тебя саму отправляли «в семью, к детям»?

— Мама говорит, что у меня такое высокомерное выражение лица, что все боятся сказать что-то поперек. Я маме отвечаю: каким наградили, с таким и живу. Обычно со мной люди сдержанны. Наверное, я кажусь очень строгой.

— Благодаря «делу БЕЛТА» все узнали, где твоя дача. Как ты связана с Жодишками?

— Я коренная минчанка. Мой папа занимался альпинизмом, ходил в походы, в том числе по Беларуси. Еще в конце 1980-х, когда начинался летний сезон, мы на каждые выходные брали палатки и уезжали с родителями и их друзьями. Позже стали ездить на Вилию в отпуск недели на три с палатками. Было классно. Хотя сейчас я бы так не поехала.

В 2002 году из детского лагеря на противоположной стороне Вилии летом вывезли детей на наше место, полностью его

испортив. На фоне того, что наше место заняли, папин друг купил себе дом в Жодишках, потом еще одна семья купила себе дом. Теперь у нас коммуна — пять знакомых между собой семей. Мы прекрасно проводим там время.

Папы не стало, и мама сейчас ездит туда только со мной. Но у папы тогда были большие планы: жить там на пенсии, разводить пчел, купить себе подводу с трактором и летом вывозить пчел в лес на вереск.

Нужно еще решить там пару проблем с сельсоветом: чтобы свет включали по улице, разметку дороги сделали — и будет вообще идеально. Пару лет назад я добилась, чтобы нам сделали забетонированную пешеходную дорожку. Уже второй год веду войну за то, чтобы сделали «лежачего полицейского»: дорога идет через деревню, на машинах все носятся, это опасно для людей.

— Ты неудобный для местных властей житель.

— Неудобный, а теперь еще и знаменитость (смеется).

Поговаривают, что это «та, наша, которую увезли». Я всегда была за справедливость. Это же не от профессии зависит, а от желания делать что-то, осознания того, как должно быть.

Мне кажется, что выезды за пределы Беларуси этому очень помогают, границы сознания так уж точно расширяют. И вообще, я же не прошу их выложить дорожку золотом, а прошу позаботиться о безопасности людей.

— Давай вспомним, как тебя «увезли». Для всех те события были очень неожиданными.

— Конечно, я понимала, что рано или поздно могут прийти и за мной, очень удивлялась, что не пришли, например в 2010-м. Но никогда бы не подумала, что это произойдет из-за БЕЛТА.

Они потом рассказывали, что десять человек собирались ночью на базе, чтобы рано утром приехать ко мне в Жодишки сделать обыск, задержать.

Я вообще обалдела. У меня был отпуск. Мы с подругой собирались ехать в лес утром, а накануне вечером долго сидели болтали. Как раз вторник был,

будний день. Я на семь будильник поставила и без пяти семь услышала, что кто-то бьет по воротам. Решила, что это сосед. Я в каком-то халатике открываю двери с вопросом: «Что здесь происходит?!» А мне в лицо свет камеры, и в дом заваливается толпа людей.

Показали постановление. Я же не знала, что не одна такая. Первая мысль была, как связаться с БелПАН и все рассказать, потом узнала, что и в редакции обыск.

У меня детального обыска не было — попросили сдать технику, я успела выключить телефон, сказала, что от ноутбука пароль не помню. На мою просьбу позвонить адвокату сказали, что я пока свидетель и мне не нужны его услуги. Говорю, что есть четкие инструкции на такие случаи: позвонить в редакцию и адвокату. Тогда они сказали, что объявляют мне подозрение и мы поедем в Следственный комитет.

Уже в Следственном комитете я узнала, что не одна задержана, много кто из ТUT.BY. Утром, когда была перекличка,

Мне кажется, в Беларуси все устали. Люди уже не верят в возможность добиться перемен и просто живут вопреки всему.

я услышала фамилию Золотовой, Калтыгиной и других.

У меня с понедельника был отпуск, поэтому терзала мысль, что я теряю дни отпуска, а там же мои грибы в лесу!

Но относились к нам корректно, наверное, была дана такая команда. Вечером, когда зашла в камеру, была мысль, что надо помыть голову, чтобы утром не быть чудовищем на фотографиях в СМИ. Вечером около раковины лежал осклизлый кусок хозяйственного мыла, а утром открылось окошечко и нам дали косметическое мыло. Соседка по камере была очень удивлена. Другие удивлялись, что дали даже постельное белье, теплую еду.

У меня в ИВС поднялось давление, у них же не было магнезии сделать укол, только каптоприл, и каждый час сотрудники проверяли, как я себя чувствую, все ли в порядке.

Хуже всего было в РУВД. Там стоял такой мат-перемат от сотрудников РУВД! Честно говоря, были опасения, что придушат в камере и прикопают под крылечком. Конвоиры тоже не отличались любезностью. Все остальные были подчеркнуто корректны.

Я все время думала про отпуск. Дежурный адвокат в первый день пояснила, что максимум могут держать три дня либо должны предъявить новое обвинение.

Конечно, я размышляла о том, что могут посадить на два года. Но в то же время понимала, что властям не нужны новые политзаключенные. Это больше воспринималось как недоразумение, которое мешает жить в нормальном режиме, планировать что-то.

Кстати, в Следственном комитете обещали извиниться перед моей мамой за то, что ее продержали день на стульчике в коридоре, без еды, без воды, ничего не объясняя и непонятно зачем вообще держали. Но так и не извинились.

— Что сделала первым, когда отпустили из ИВС?

— Пошла в душ. Мне казалось, что я ужасно воняю. Там такой запах... Когда меня привели ночью и открыли дверь камеры — тот запах просто бьет. Я думала, Боже, с каким-то бомжом ночевать... Но нет — это был запах открытого туалета, самого помещения. Бытовые условия там, конечно, ужасные.

Вечером мне все знакомые звонили. И тогда же рассказали, что Крят в своей статье назвал нас «дамами, удобными в быту».

— Ты удобная в быту?

— Не знаю, что под этим подразумевать. Я не хозяйственная, но даю другим жить так как они хотят. Я представляла себе, что БТ показало об этом деле, особенно с учетом видео, которое они снимали во время обыска — когда я только проснулась и в том халатике. Потом прочитала эту статью в «Совбельке» — посмеялась. Мем из этой фразы получился на века. Крят считает, что прав, ну и ладно. Кто-то же его любит даже таким. Мне кажется, что он писал об этом с другим намеком, мол, за деньги готовые на все. Но

мы же видим, кто на самом деле готов на все за деньги.

Конечно, я бы не хотела, чтобы все повторилось. Но это проходной момент.

— Какой твой главный вывод из этой истории?

— Если к тебе захотят прийти, то всегда найдут предлог. Всегда.

— Чувствовала поддержку?

— Да. Даже люди, которых я давно не видела, писали и звали со словами поддержки.

В чем-то я даже вижу позитив от этой ситуации. Например, развиризались с Аней Калтыгиной из TUT.BY. Если бы не это, так бы и знали друг друга через Facebook.

— Расскажи, как отдохнаешь?

— Мне хорошо, когда никто не трогает и дает почитать книгу. Еще путешествия — мелкие и большие. У меня нет стран, которые бы мне не понравились.

— А любимое место?

— Жодишки (улыбается). Я приезжаю туда, вешаю гамак и все — я в домике. Местные сначала настороженно относились к нам, но родители очень дружелюбные, поэтому отношения выстроились нормальные. Но, чтобы стать местной, там надо постоянно прожить лет двадцать, и то будут вспоминать, что ты приехала туда в таком-то году.

— Для тебя важны вдохновение, признание — такие эмоциональные штуки?

— О, ну оно же идет: хорошо — плохо — хорошо. Невозможно быть все время радостным идиотом. Я не боюсь быть одна, мне с собой комфортно, мне это в кайф. Какую-то книгу хорошую прочитал, знакомого встретил, по

работе похвалят — и настроение «завтра всех победим».

И мне важно, чтобы иногда «погладили по шерстке», тогда работа не превращается в рутину. Это показатель того, что видят тебя, твою работу. Мне кажется, это для всех важно.

— Съемка для интервью проходила в художественной студии. Реализовывалаешь давнюю меиту?

— Я всегда плохо рисовала, в школе уроки ИЗО были одними из самых нелюбимых, потому что ничего не получалось. И всегда с легкой завистью смотрела на людей, которые запросто могут нарисовать что угодно. Однажды услышала фразу, что научиться рисовать может любой. С тех пор периодически мелькала мысль, что было бы неплохо научиться хоть чуть-чуть рисовать. В апреле на глаза попалось объявление о наборе курса ботанической иллюстрации карандашами. Вот теперь учусь рисовать.

— Можешь рассказать о каких-то комичных ошибках в работе?

— Однажды я по телефону брала гигантский комментарий

и в конце поняла, что шнур вставила не в то гнездо. Перезванивалась, говорила «простите-извините-повторите».

Как-то перепутала посла Великобритании и главу представительства ЕС в Беларуси. Я записала комментарий британского посла с полной уверенностью, что это глава представительства ЕС. Материал опубликовали и через пару часов мне позвонила сотрудница представительства и сказала, что Майры Моры нет даже в стране.

— Тебе комфортно жить в нашем обществе?

— Не очень. Видела и более комфортные общества. Мне кажется, у нас нетерпимы к другим людям, другим взглядам, другим национальностям. Мне не нравится, когда при мне высказывают что-то в стиле «эти чурки на базаре» или какие-то гомофобные эпитеты. Единственным мерилом человека должны быть его поступки, но никак не национальность, религия, ориентация. Думаю, если бы общество было терпимее, оно было бы лучше. Ну и в целом люди злобноватные. Мне кажется, что это от бедности, неустроенности. Бытового

хамства полно. Да, люди сбрасываются на помощь кому-то, но также спокойно в очереди бременной будут кричать: «Куда вы прете?!» «Синдром вахтера» тоже часто встречается.

— Помогает в работе то, что ты женщина?

— Да-а-а-а. Если собеседники мужчины, то с ними действительно похлопать ресницами, попросить объяснить, рассказать. Ну и обычно с мужчинами действует негласный кодекс джентльменского отношения к женщине. Не со всеми, конечно... Но в целом стараются быть более вежливыми. Чисто физически бывает не очень просто. Например, я маленького роста, когда большое мероприятие, много фотографов и они начинают оттеснять, то могут задвинуть так, что тебя будет не видно, не слышно.

— Что для тебя верх карьеры?

— Наверное, когда не будет сил бегать по мероприятиям, буду в офисе работать редактором.

— Злы́м или добры́м?

— Въедливым.

Фото Татьяны Ткачевой

Вольга ХВОІН,
baj.by

Ірына Новік: Адчуваю сябе Калумбам!

Ніколі не позна пачынаць
новае, гаворыць рэдактар
спецпраектаў Hrodna.life
Ірына Новік. Пяць гадоў таму
яна, інжынер з дваццацігадовым
стажам, прыйшла
у журналістыку. А цяпер
выступае на канферэнцыях
ды рассказывае пра паспяховыя
праекты рэгіянальнага медыя.
І параўноўвае працу ў рэдакцыі
з марафонам, які найперш
вымагае менеджменту,
а не натхнення.

— З інжынераў у журналісты — нестандартны прафесійны шлях. Тым больш у дарослым жыцці.

— Я была кніжным дзіцём, шмат чытала, але вучыцца пайшла ў машынабудаўнічы інстытут, бо прачытаць цалкам збор твораў нейкага пісьменніка я змагу і самастойна. А разабрацца самой з сапраматамі ці выйшэйшай матэматыкай у мяне наўрад ці хопіць унутранай матывацыі. І я нармальна пачувалася з тэхнічнай адукцыяй.

Калі з'явіліся дзеци, некаму трэба было сысці з інжынернай пасады. Бо мы з мужам абодва

інжынеры і было шмат камандзіровак. Так я перайшла ў выкладчыкі, да таго ж я з настаўніцай сям'і і цяга да гэтай дзейнасці была заўсёды.

Я выкладала ў сістэме павышэння кваліфікацый дванаццаць гадоў.

Калі дзеци выраслі і я зрабіла ўсё, што была абавязаная, з'явіліся хуліганскія думкі, ці не паспрабаваць нешта новае. Пачала здымамаць у сваё задавальненне і на той момент зусім не думала пра журналістыку.

Грамадская дзейнасць заўсёды была ў майжыцці: нешта падтрымаць, недзе паваланцёрыць.

І тут пачалося: зняла нешта на імпрэзе — дашлі фота нам, дык ужо і напіши. Умееш рабіць відэа? То здымі і змантуй для нас. Так я стала сваім чалавекам на сайце «Твой стыль». Гэта быў перыяд, калі сайт яшчэ не ператварыўся ў медыя, але ўжо адыходзіў ад выключна студэнцага праекта.

Паралельна з майм інжынерна-выкладчыцкім досведам назбіраўся досвěд журналісцкі. І ён у пэўны момант стаў важкім, перацягнуў увагу на сябе. Калі паўстала ідэя зрабіць паўнацэнны гарадскі сайт, я на гэта падпісалася.

Спачатку працавала і там, і там. Я ніколі не сыходзіла кепска, не ляпала дзвярыма. Я ведала, што калі не складзеца тут, змагу вярнуцца. Да таго ж са мной працавалі дарослыя людзі, яны разумелі, што ў мяне ёсьць памкненні, свой «віхор у галаве». Мы ў добрых стасунках цяпер, часам бачымся, яны мяне чытаюць.

— У якім узросце адбыліся гэтывя змены ў твайм жыцці?

— У 45 год. Пазней я абдумвала, чаму я сышла з той працы?

Як у песні: «Война — дело молодых, лекарство против морщин»... Думаю, можа быць, гэта быў нейкі падсвядомы выбар у бок маладосці, зменаў, пошуку новага.

Гэта цяпер я так асэнсавана магу гаварыць. А тады гэта было рашэнне «на слабо».

Заўжды позна нешта пачынаць. Заўжды ёсьць той, хто зрабіў гэта раней: нехта пачаў чытаць у трох гады, нехта кіраваў палком у 17, нехта ў 25 атрымаў прэстыжную ўзнагароду. А з іншага боку, ніколі не позна, бо можна скарыць горы і ў 70 год.

— Не шкадуеш?

— Па-рознаму. Бывае, што не, а бывае і шкаду. Калі цяжка, калі нешта не атрымліваецца, калі не хапае кваліфікацыі. Я пачала з нуля і, зразумела, гэта цяжка, а цяжкасці ламаюць чалавека. Ну, нічога: папсіхую, парву паперкі, пагуляю ў лесе, боршч звару — і адпускае.

— Дык усё ж журналістыка — справа маладых? Некаторыя рэдакцыі свядома набіраюць журналістаў узросту 20+.

— Я не ведаю, адкуль у мене было рамантычнае меркаванне, што журналістыка творчая праца. Але яно разблілася ўшчэнт. Журналістыка — гэта хутка, гэта ў многім стандартызавана, гэта ў многім форма, а не толькі змест.

Цяпер ёсьць разуменне, што ў большай ступені журналістыка — гэта застацца па-за меркаваннем, даць выказацца іншым людзям, а не думаць пра тое, як трансляваць сваё асабістое меркаванне.

Гэта ўсё не пра ўзрост — гэта пра гатоўнасць быць адчувальным да сітуацыі. Можа быць, для маладых гэта прасцей. Калі ўвесе час быць адкрытым, гатовым злавіць момант, то не думаю, што ўзрост на нешта ўплывае. Да таго ж ёсьць розныя стылі, жанры ў журналістыцы. Нехта будзе пісаць навіны, нехта рыхтаваць грунтоўныя лонгрыды. Знайсці сябе можна.

Адзінае, што на многіх трэнінгах, навучальных курсах я часта была самая старэйшая ў групе. Часам адчувала: людзі не разумеюць, што я там раблю.

Але я цягам аднаго дня магу пачувацца ў розных узростах. І ў калектыве мы сабраліся, каб рабіць справу, а не мерацца ўзростам.

— Для цябе журналістыка рамяство ці місія?

— Для мяне ўсё ж праца. Я крыху скептычна стаўлюся да ідэі, што можна раздзяліць місію і рамяство. Бо калі ў місіянства кідаюцца людзі, якія не ўмеець рабіць сваю працу правільна, гэта выклікае скепсіс. Гэта як з нажом на паравоз кідацца, гэта глупства. Мусіць быць прафесійныя, рамесніцкія навыкі.

Безумоўна, журналістыка — голас эпохі. Я адчуваю і разумею: тое, што я напішу, будзе жыць нейкі час, нехта можа з гэтых радкоў скласці сваё меркаванне. Я адчуваю адказнасць за тое, што ёсьць у інфармацыйным полі. Але думаць «я прыйшла, каб выказацца» — смешна. У журналістыцы важныя стандарты, гэта не творчасць у чыстым выглядзе.

Часам добра выкананая праца куды больш вартая, чым пазёрскі матэрыял. Добра напісаная навіна для мяне не меншы твор мастацтва, чым акварэль, напрыклад.

— Ці зкарэктавала нешта ў табе новая прафесія?

— Я імкнуся звяртаць увагу на тое, як змяняюся, глядзець на сябе крыху збоку. Спачатку, напрыклад, мне здавалася, што мае матэрыялы чытаюць не ўсе ці чытаюць недастаткова ўважліва. Выкладчык прывык да аўдыторыі, але да «палоннай аўдыторыі»: праверыць, хто не прыйшоў, «энку» паставіць, спытаць — пачуць адказ.

З чытачамі гэта не працуе. Чытач прыходзіць самастойна і нешта чытае ці ўвогуле

сыходзіць адразу. Я назірала, як змяняеца мой тон, формы выказвання, бо трэба ўмець заваёўваць аўдыторыю.

Журналістыка не пра тое, каб выхаваць і навучыць, а пра тое, каб дагрукацца. Трэба вывучыць сваю аўдыторыю, паглядзець, што пішуць вашыя чытачы. «Сядай, два» — гэта просты адказ, але непрадуктыўны.

Прафесія журналіста мянене моцна паскорыла. Выкладчык працуе з пэўнай тэмай, але размежавана капае ўвесь час у адным месцы. Журналіст жа сёння піша пра гарадскую моду, заўтра пра сацыяльную праблему ці робіць агляд кавярняў. Журналіст гарадскога медыя мусіць хутка заходзіць у тэму, хутка шукаць экспертаў, сведкаў, адсейваць другаснае.

Думаю, калі б не было выкладчыцкага навыка працы з інфармацыяй, я б так хутка не асвоілася. Але разам з тым гэты ж навык мянене і тармазіў, бо была звычка глыбока даследаваць тэму, што не заўсёды ў журнالістыцы і патрэбна.

З іншага боку, я люблю глыбокія матэрыялы, таму і спецыялізуяся на спецпраектах, дзе можна шмат што знайсці, паказаць розныя бакі тэмы. Я абажаю свое спецпректы, бо такога ў Гродне ніхто не робіць: ніхто не робіць лонгрыды на «Цільдзе», не стварае гульні, інтэрактыўныя мапы. Я пачываюся Калумбам, і гэта приемна.

Я стала жыць у навіновай плыні. Бывае цяжка, бо праца не мае фіналу. Званок празвінеў, урок скончыўся — і ты вольная. А навіны ніколі не скончваюцца.

Пакуль я не навучылася ставіць кропку ў працы. З гэтym тэмпам цяжэй, канешне.

— Але ж і сапраўды немагчыма зачыніць дзвёры рэдакцыі ды вечарам ці ў выходныя не маніторыць навіны.

— Думаю, гэта пытанне даверу да каманды. У нашай рэдакцыі цяпер ідзе фарміраванне каманды. Мы ўсе пачыналі як валанцёры-энтузіясты. Для нас было нармальна працаваць ноччу, усё кінуць і бегчы ставіць навіны. Але адчуваю, што так жыць увесь час не атрымаецца.

Сёлета першы раз за пяць год я нармальна з'ездзіла ў адпачынак на мора. Руслан Кулевіч і Аляксей Шота таксама з'язджалі на некалькі дзён. І ўсё было нармальна, наведвальнасць не ўпала. Мусіць быць дакладны менеджмент, адказнасць і давер.

Мы прывыклі працаваць на пажары, гэта добры навык, але не варта ім злоўжываць. У нашым калектыве ўжо вымалёўваюцца спецыялізацыі, зоны адказнасці. Усё расце як з пратаплазмы нейкай — цікава назіраць за tym, як з нічога нараджаецца нешта з акрэсленымі абрысамі.

— Ты згадала, што мусіла змяніць дзейнасць, калі былі малыя дзеци. Ці ёсць цяпер нейкі ўплыў прафесіі на асабістасць жыццё?

— Цяпер у нас іншы выклік, і ён ў тым, што дзеци дарослыя. Але яны дзеци. Ім не патрэбна ранейшая ўвага, не патрэбна мама, якая гатуе абед і засяроджаная на клопаце.

— Надзень шапку!

— Так! (смяеца) Цяпер патрэбна быць сябрам, калегаю. Я доўга перажывала, што не паспяваю прыгатаваць абед ці паправаць бялізну. На што

аднойчы дачка сказала: «Мы — чатыры дарослых чалавекі. Кожны можа ці прыгатаваць сам, ці паесці ў кавярні». Калі дзееці просяць пакла-паціцца пра іх, гэта ўжо мой падарунак, а не ававязак. Цікава назіраць такое ў сваім жыщі.

Так атрымалася, што мы ўсе маем дачыненне да медыя. Старэйшая дачка вучылася на факультэце «Медыя і камунікацыі», малодшайя вучылася на дызайне, а цяпер працуе ў медыя. Нам ёсць пра што пагаварыць.

Толькі муж застаўся інжынерам, але мы смяёмся, што ён быў першым журналістам сярод нас, бо ў школе з сябрами выпускаў рукапісную газету «Неправда».

— Падыход і погляд на медыя твой і дачок адрозніваецца?

— Канешне! Старэйшая любіць вялікія акадэмічныя тэксты. Гаворыць, што цяпер аддае перавагу тэкстам, а не здымкам, як раней. Піша глыбокія лонгрыды, бо яна спецыяліст у галіне мастацтваў.

Я зарыентаваная на навіны, мяне цікавіць тэхнічныя штукі, каб нешта ўбудаваць у рэурс, каб нешта рухалася, ехала.

А малодшая — дызайнерка. Сама вядзе свае сеткі, блогі па-беларуску. Яна любіць афармленне, візуальны складнік. Калі я прашу парады, заўсёды пытаеца, што для мяне важна, на што трэба рабіць акцэнт.

І гэта таксама выклік. Цяжка правесці мяжу, дзе я рэдактар, а дзе мама. Дзе я дасведчаны прыяцель, а дзе неафті, які пераймае досвед калегі, бо старэйшая дачка ў тэмэ каля дзесяці гадоў.

Мне часам было балюча праводзіць гэтую мяжу і я недзе па-мамску апантана кідалася, а трэба было б прытармазіць.

Мяне вельмі падтрымлівае муж. Калі я пачала здымак з дрона, ён асвоіў гэты верталёцік лепиш за мяне і на здымкі цяпер ездім разам.

— Прафесія журналіста ў Беларусі дае магчымасць рэалізацыі, пачувацца ішчалівым?

— Для мяне важны дыяпазон, які гэтая прафесія дазваляе адчуць: ад страхаў і перажыванняў да радасці і знаходак. Мне важная дынаміка, а не стабільнасць. Журналістыка дазваляе адчуць гэтую дынаміку, пагойдацца на эмацыйных арэлях, шмат чаго пабачыць, сустрэць розных людзей.

Людзі ходзяць у тэатр, каб перажыць моцнага пачуцці, драму, але не ў сваім жыцці. Журналістыка — той самы выпадак. Журналістыка акурат для тых, хто не баіцца эмацыйных дыяпазонаў.

З уростам пачынаеш разумець, што не заробіш усіх грошай, і гэта нармальна. Я ведаю, што ў Гародні і сысці на іншыя месцы няма куды. Але я разумею, што з часам шмат хто з журналістамі пачынае рэалізоўвацца як мастацкі пісьменнік.

Прыкладаў шмат: Горват, Бартосік, Сцяпан, Казакова... Для такіх аўтараў журналістыка — магчымасць перажыць шмат жыццяў, каб мець матэрыйял для выказванняў. Думаю, гэта таксама ў мяне наперадзе.

— Што цябе натхняе?

— Як інжынер і не люблю слова пра натхненне. Бздуры ўсё гэтае ваша натхненне, скажу па сакрэце (смлецца). Мяне натхняюць дэдлайны і ўсё новенькае. Мяне натхняюць падарожжы, рух. Цяпер я шмат працую седзячы, як гэта ні дзіўна, таму радуюся магчымасці некуды паехаць, пайсці.

— А што раздражняе?

— Тое самае! Дэдлайны. Што трэба ўвесці час некуды ехаць, што на выходныя немагчыма застацца дома. Што ўсё вакол мяньяецца. Звычайна, што радуе, тое ж і найбольш балюча і б'е.

— На што не ханае часу?

— На сябе. Я заўважыла, што цяпер няма асабістай прасторы. Раней быў хэндмэйд, малеванне. Яно некуды сышло з майго жыцця. І я не ўяўляю, як цяпер заняцца бісерным ткацтвам ці вышыванкай. Гэта проста адвалілася. Апошні раз я малевала летася.

Гэта размова пра дысціпліну, пра тое, што трэба выбудаваць асабісты менеджмент, а не кідацца грудзямі, каб закрыць кожную дзірку. Думаю, гэта было б на карысць усёй рэдакцыі, каб мы пасля не казалі, што я аддаў вам усё, а вы гэта не цэніце.

Праца мусіць быць працай, а не штодзённым ахвяраваннем. Думаю, гэтых ахвяр ніхто і не просіць.

Я не ведаю ўсіх адказаў і не могу іх ведаць. Я таксама іх шукаю.

Фота Алены Майсюк

**Буйнейшае ў Еўропе прадпрыемства
па здабычы і перапрацоўцы
шчыльных горных парод РВУП «Граніт»
і клубнічныя плантацыі Лунінеччыны
наведалі сябры Беларускай асацыяцыі
журналістаў у межах традыцыйнага
летняга прэс-тура.**

Фота: Аляксандр Зянкоў

